

Чэн Фэнтай не только любил слушать сплетни, но и сам охотно их распространял — это была наиболее недостойная черта его характера. В полдень следующего дня Фань Лянь был извлечён из женской постели и притащен в кафе, чтобы выслушать о ночных похождениях Чэн Фэнтая и Шан Сижую в парке Сяншань.

— В жизни бы не подумал, — со вздохом покачал головой Чэн Фэнтай, — что у Шан Сижую такой на удивление добрый нрав, настолько мягкий и уступчивый! Ты не представляешь, какими резкими были мои слова, а он ничуть не рассердился!

Фань Лянь, в свою очередь, ещё не очнулся от своих «весенних снов» [1]. Полуприкрыв глаза, он торопливо отпил кофе:

— Это у него-то добрый нрав? Ха-ха! Ты не видел, что он вытворял в том году в Пинъяне... — С этими словами он опустил чашку на стол и долил в неё горячего кофе, а потом откусил большой кусок булочки. — К тому же, с чего бы ему на тебя злиться, второй господин Чэн? Ведь ты — богатый и влиятельный человек. Даже если тебе любопытно, ты лишь разок сунешь нос в чужие дела — только и всего. А он, при всём своём упрямстве, лишь простой актёр, и ему ни к чему навлекать на себя твоё недовольство.

[1] Весенние сны 春梦 (chūnmèng) — обр. в знач. «призрачные мечты», «несерьёзные мысли», а также «эротические фантазии».

Хоть это была истинная правда, Чэн Фэнтаю она пришлась не по душе. Вновь закурив, он возразил:

— Ты ведь не знаешь, что произошло при последнем разговоре между Цзян Мэнпин и Шан Сижуюем? Цзян Мэнпин была очень жестока по отношению к своему шиди.

Проглотив булочку, Фань Лянь долго хранил молчание, а потом испустил тяжёлый вздох:

— Когда дело касается Чан Чжисиня, Цзян Мэнпин совсем не такая, какой ты её видел.

Поначалу Чэн Фэнтай винил Цзян Мэнпин за её холодные и оскорбительные слова, теперь же он подумал про себя: «Что ж, такова любовь...», — и, украдкой вздохнув по этим чувствам, с облегчением ответил:

— Шан Сижуй, несомненно, сумасшедший; но ведь Чан Чжисинь и Цзян Мэнпин — взрослые разумные люди, и они обошлись с ним очень дурно.

— Он такой упрямый, что бесполезно пытаться ему угодить, — с усмешкой покачал головой Фань Лянь. — Чего я за тот год только не перевидал. Чан Чжисинь и Цзян Мэнпин не сделали ничего дурного. Когда мужчина и женщина вступают в брак по взаимному согласию, надо ли ради этого собирать комитет? Чтобы урезонить его, Чан Чжисинь даже прибёг к нормам

Гражданского права! Окажись ты на его месте, второй господин Чэн, неужто не порвал бы в клочья этого неумного скандалиста Шан Сижую?

Чэн Фэнтай кивнул, от всего сердца соглашаясь:

— Всё верно, Чан Чжисинь не сделал ничего дурного, он человек в высшей степени благородный.

Так они оживлённо болтали, пока не решили вместе нанести визит супругам Чанам, чтобы продолжить обсуждение с главными героями этой истории. Во время прошлого визита Чэн Фэнтаю так и не довелось увидеть Цзян Мэнпин, и в этот раз он твёрдо решил встретиться с ней и принести извинения лично. Двое праздных гуляк досыта наелись и отправились в гости. К этому времени уже за вечерело. Зайдя в дом, они сразу обнаружили Цзян Мэнпин. Облачившись в старую вязаную шаль, она вместе с горничной готовила на расположенной на первом этаже общей кухне. Фань Лянь с улыбкой, прячущейся в уголках глаз, окликнул её. Молодая женщина тут же обернулась, бросила готовку, помыла руки и поприветствовала их тихо и ласково.

От одного звука её чистого голоса Чэн Фэнтай испытал настоящий экстаз [2]. Пожирая её влюблённым взглядом, он втайне поразился, каким же успехом, должно быть, пользуется Чан Чжисинь у женщин.

[2] Экстаз — в оригинале чэньюй 神魂失 (xiāohún shī gǔ) — в пер. с кит. «потерял голову, разъело кости».

— Доброго здоровья старшей двоюродной невестке! — поприветствовал он её в ответ. — Когда я заходил в прошлый раз, мне не удалось с тобой повидаться.

— Тогда Чжисинь сказал мне, что младший зять возьмёт на себя труд зайти к нам ещё разок, — ответила Цзян Мэнпин, провожая гостей наверх. Поднимаясь вслед за ней, Чэн Фэнтай вытянул руку, чтобы подстраховать её: если бы она оступилась, он тут же крепко обхватил бы её за талию, как истинный джентльмен. При виде этого Фань Лянь укоризненно покачал головой: с его точки зрения это было попросту непристойно: Чэн Фэнтай вёл себя со своей старшей двоюродной невесткой, словно с какими-то там посторонними девицами, совершенно без уважения.

Только что вернувшийся с работы Чан Чжисинь пил чай и читал газету. Трое мужчин тут же принялись похлопывать друг друга по плечу, жать руки, болтать и смеяться, будто старинные друзья. После этого они расселись — и, разумеется, вновь принялись за обсуждение Шан Сижую.

— Я уже пытался образумить его вместо вас, — начал Чэн Фэнтай. — К сожалению, всё без толку, я ничего не смог поделать. Для этого сумасшедшего мальчишки никакие нормы человеческих отношений попросту не существуют. Двоюродная невестка так его избаловала, что он вообразил себе, будто их родственные чувства — подлинные, потому-то он и не может

отказаться от своей ненависти.

Стоило ему упомянуть о её бедовом шиди, как глаза Цзян Мэнпин тотчас покраснели.

— Да разве младшему зятю по силам его образумить? Ещё когда он был ребёнком, если уж что-то вобьёт себе в голову, так это нипочём оттуда не выбить, так он был упрям [3], но я тогда и помыслить не могла, что мне когда-нибудь придётся его обманывать... — Помедлив, она шёпотом продолжила: — Я говорила, что он — самый важный для меня человек, и действительно старалась убедить себя в этом. Из-за его недовольства я даже пыталась расстаться с Чжисинем... Однако человек не властен над своими чувствами... И в конце концов я не смогла перебороть себя.

Это прозвучало непрямым признанием в любви к Чан Чжисиню, и выражение его лица тут же смягчилось, свойственная ему профессиональная чопорность исчезла без следа, нежность его взгляда граничила с податливостью [4].

[3] Если уж что-то вобьёт себе в голову, так нипочём оттуда не выбить — в оригинале 釘釘釘釘釘 (dīng shì dīng mǎo shì mǎo de) — в пер. с кит. «гвоздь есть гвоздь, заклёпка есть заклёпка».

Так он был упрям — в оригинале 犟 (yī gēn jīn) — в букв. пер. с кит. «одна извилина», обр. в знач. «упрямый как осёл, упёртый, твердолобый, тупой, косный».

[4] Податливость — в оригинале 软 (rǎo zhǐ) — сокращённое от 软胳膊 (rǎo zhǐ róu) — в пер. с кит. «можно обвить вокруг пальца», обр. в знач. «податливый, мягкий».

Цзян Мэнпин вытерла уголки глаз и заговорила вновь:

— А если в будущем это дитя вновь обезумеет, то где взяться тому, кто усмирит его гнев, проявив к нему снисходительность, как же тогда быть?

Чэн Фэнтай посмотрел на неё с улыбкой, про себя рассудив: «Нет, этого не понадобится. Такого рода чувство, которое возникает у птенца, когда он впервые видит мать, случается лишь раз в жизни. Боюсь, что после тебя у него уже не будет иной причины сходить с ума...»

Внезапно ему подумалось, что Шан Сижуй попусту растратил свою любовь на Цзян Мэнпин, врубив её не тому человеку, и не удержался от замечания:

— До той ночи я был предубеждён против Шан Сижую, ну а теперь мне стало его жаль. Когда он сказал: «Я был готов умереть за свою шицзе», — в его словах не было ни тени фальши. Двоюродной невестке известно, что на сердце у Шан Сижую?

Цзян Мэнпин долго не отвечала, а затем с тяжким вздохом, будто её сердце разрывалось от боли, произнесла:

— Знаю. Это глупое дитя...

Казалось, Чан Чжисинь тоже был тронут — он молча потупил взгляд.

Когда дело доходит до любви, то в этом противостоянии не бывает правых и виноватых. Шан Сижуй был безумен и ничего не смыслил в мирских делах. Будучи её шиди, он желал единолично владеть Цзян Мэнпин, ну а она жаждала любви, замужества и счастливой жизни в браке; петть с ним до скончания своих дней на одной сцене было выше её сил. Дело было не в том, что чувства одного из них были менее глубоки — просто их устремления были слишком разными, и, не оборви они связующую их нить, в конечном итоге погибли бы оба.

Поболтав ещё немного, Чэн Фэнтай и Фань Лянь потащили Чан Чжисиня в ресторан, чтобы вместе выпить — выходило, что Цзян Мэнпин готовила ужин зря. Но она была воистину хорошей женой, и потому, немного посопротивлявшись, отпустила Чан Чжисиня развлекаться в обществе этой легкомысленной парочки [5], лишь сперва сбегала в комнату, чтобы принести мужу шарф.

[5] Легкомысленная парочка — в оригинале чэньюй 狐朋狗友 (hú péng gǒu yǒu) — в пер. с кит. «приятель-лиса, друг-собака», обр. в знач. «дурная компания; подлые друзья; всякий сброд; разношёрстная свора; друзья-шакалы».

— Тогда не жди меня, иди спать, — сказал ей Чан Чжисинь. — У меня есть ключи.

— Не нужно, — тихо ответила Цзян Мэнпин. — Я буду ждать, как бы поздно ты ни вернешься.

Не сумев сдержать переполняющее его чувство любви, Чан Чжисинь перед всеми сжал её руку. Цзян Мэнпин, вся зардевшись, стиснула его руку в ответ.

Глядя на это, Чэн Фэнтай до смерти им завидовал. Все женщины, которые его окружали — разумеется, включая его вторую госпожу — сплошь были холодными красавицами, как Сюэ Баочай из «Сна в красном тереме» [6], скупыми на слова и эмоции [7]. За те десять лет, что они были женаты, супруга не сказала Чэн Фэнтаю ни единого ласкового слова. Что же касалось других женщин, то распушенности и обольстительности в них было с избытком, но недоставало подлинной нежности и заботы. Когда же и у него будет рядом кто-то столь же деликатный [8] и милый? Вот тогда он смог бы сказать, что не зря прожил свою жизнь...

[6] «Сон в красном тереме» 紅樓夢 (hónglóumèng) — один из четырёх классических китайских романов, написанный во второй половине XVIII в., первый роман, где большое внимание уделяется психологическому душевному состоянию героев и смене их настроений, а также первый китайский роман со стройной сюжетной линией и композицией, написан не на литературном, а на простом китайском языке. В романе действуют представители самых разных слоёв общества. В центре романа — возвышение и упадок семьи, в котором автор, Цао Сюэцинь, отчасти описывает историю собственной семьи.

Сюэ Баочай 薛寶釵 (Xuē Bǎochāi) — одна из вершин любовного треугольника, лёгшего в основу

сюжета — главный герой, Цзя Баоюй, которому прочат её в жёны, восхищается её умом и красотой, но любит он другую.

[7] Скупые на слова и эмоции — в оригинале чэньюй 憋憋 (bùǐǐ yánxiào) — в пер. с кит. «серьёзно относиться даже к речам и смеху», обр. в знач. «быть серьёзным, не смеяться и не болтать попусту».

[8] Деликатный — в оригинале чэньюй 和风细雨 (héfēng xìyǔ) — в пер. с кит. «мягкий ветерок и мелкий дождик», обр. в знач. «доброжелательный; мягкий и тактичный».

Видя, как сияют его глаза, Фань Лянь раздражённо шепнул ему на ухо:

— Старший зять, хороший цветок всегда имеет хозяина [9]! Тебе следует прекратить думать о подобных вещах, пока не поздно, тут я тебе не помощник.

— Иди ты! — огрызнулся Чэн Фэнтай и, пользуясь случаем, оглядел квартиру супружеской четы. Они были молодым господином из зажиточной семьи и известной актрисой, он привык купаться в роскоши, а она — в лучах славы, но теперь им приходилось довольствоваться крайне простой и непритязательной [10] жизнью. Стоит ли говорить, что в их доме не водилось шикарных и модных предметов обстановки, однако здесь царили чистота, опрятность и покой, нигде не было ни пылинки. Эта чета из честного и надёжного мужчины и нежной добродетельной женщины являла собою образец счастливой пары. Если им чего-то и недоставало, так разве что ребёнка. У Чэн Фэнтая были младшие сёстры, его дом всегда был полон детей, и обычно это порядком его раздражало. Но теперь его впервые посетила мысль, что дом, в котором нет детей, кажется слишком пустым и тихим, и в воздухе словно застыла какая-то неизъяснимая горечь — всё-таки без детей семья не может считаться полной.

[9] Хороший цветок всегда имеет хозяина 名花有主 (míng huā yǒu zhǔ) — этот чэньюй употребляется в значении «девушка уже занята», также «свято место пусто не бывает», или «хороша Маша, да не наша».

[10] Непритязательный — в оригинале чэньюй 柴米油盐 (chái mǐ yóu yán) — в пер. с кит. «дрова, рис, масло и соль», обр. в знач. «предметы повседневного пользования; повседневные нужды; будничные, повседневные».

Трое мужчин вышли из дома и отыскивали поблизости ресторанчик, где остановились, чтобы поесть, выпить и поболтать вволю. За разговором они опять кружным путём вернулись к Шан Сижую. К этому времени все они уже успели основательно поднабраться, и разговор приобрёл весьма непринуждённый характер. Хлопнув Фань Ляня по спине, Чэн Фэнтай со смехом бросил:

— Хорошо ещё, что ты не похож на Шан Сижую, в противном случае ты бы стал для меня источником нескончаемой головной боли.

— Мы с Шан Сижуюем выросли в совершенно разных условиях, — ответил на это Фань Лянь. — Наши пастбища расположены бок о бок с маньчжурскими, и нравы у нас как у маньчжуров. Незамужняя старшая сестра становится тираном в родительском доме, бьёт и бранит младших братьев и сестёр. Мы в детстве даже родителей не боялись так, как её, и замучились ждать,

когда же она выйдет замуж. И когда это счастливое событие наконец свершилось, мы все выстроились в шеренгу, чтобы проводить её с почётом; как же после всего этого я посмел бы беспокоить моего старшего зятя, который избавил нас от подобной напасти?

— Должно быть, я грешил в течение восьми поколений, чтобы заслужить такого шурина, как Шан Сижуй... — посетовал Чан Чжисинь.

— А вот тут я могу возразить, — мастерски принялся подстрекать его Чэн Фэнтай. — Я слышал, что ты женился на старшей двоюродной невестке вторым браком, это правда? Я подозреваю, что ты из тех, кому новое мило, а старое постыло. Ничего удивительного, что её младший брат был так обеспокоен...

От этих слов Фань Лянь мигом протрезвел и смерил Чэн Фэнтая суровым взглядом, словно желая сказать: «Что за чепуху ты городишь?»

Но Чан Чжисиня это совершенно не задело — он лишь отмахнулся со словами:

— Младший зять, как же ты не понимаешь? Если уж Шан Сижуй возненавидит кого-то за то, что тот занял главенствующее место в сердце Цзян Мэнпин, то он не погнушается ничем, лишь бы столкнуть его с пьедестала. Что же касается той истории, то он воспользовался ею лишь в качестве предлога. Как ты думаешь, почему он не поднял шума, когда Цзян Мэнпин была помолвлена с тем добродетельным старшим братцем? Да потому что знал, что Цзян Мэнпин его не любила.

Поразмыслив над этим, Чэн Фэнтай решил, что в его словах есть резон:

— Пожалуй, ты прав. Ты в самом деле хорошо его понимаешь.

На губах Чан Чжисиня возникла странная усмешка — Фань Лянь впервые видел, чтобы тот улыбался столь развязно.

— Разумеется, я его понимаю. В том году, когда Шан Сижуй преследовал меня столь неотступно и неутомимо [11], кое-кто из тех, кто пытался нас примирить, сказал мне: «Ах, третий господин! Этот Шан-лаобань так в тебя вцепился, что мы подозреваем, что на самом деле он влюблён не в свою шицзе, а в тебя! Тебе непременно нужно прояснить этот вопрос». На это я сказал, что вовсе не желаю, чтобы он в меня влюблялся — он же сущий младенец, любить-то толком не умеет, только с ума сходить.

Расхохотавшись, Чэн Фэнтай повис на плече Фань Ляня. Если всё это правда, то эта история походила на в высшей степени увлекательный роман, в котором одна кульминация [12] таила в себе другую. Фань Лянь прежде не слышал, чтобы Чан Чжисинь говорил подобное, а потому тоже не удержался от неподобающего смешка, с силой хлопнув двоюродного брата по плечу. Вызвавший всеобщее веселье Чан Чжисинь с лёгкой улыбкой налил себе бокал вина и осушил его, вид у него при этом был совершенно невозмутимый. Возможно, нависшая над ним тень

Шан Сижую была слишком глубока, чтобы он мог смеяться, даже когда шутил.

[11] Неотступно — в оригинале чэньюй 不依不饶 (bù yī bù ráo) — в пер. с кит. «не прощать и не щадить», обр. в знач. «упорствовать, настаивать на своём», а также «привязываться, не отставать».

Неутомимо — в оригинале чэньюй 誓不休 (shì bù xiū) — в пер. с кит. «поклониться не отдыхать (не сдаваться) [пока не завершится преследование]».

[12] Шутка 包袱 (bāofu) — в букв. пер. с кит. «узел с тряпьем», термин из сферы сяньшэна (китайских традиционных комических «стэндапов»), он означает «соль шутки», когда достигается тщательно подготовленный эффект, вызывая пик смеха аудитории — например, ключевая фраза. Иногда так называют сами комические сценки или шутки, но это не вполне правильно, поскольку это название конкретного приёма.

После ночного разговора Чэн Фэнтая и Шан Сижую в парке Сяншань в их чувствах произошла некая перемена. Однако в случае второго господина перемены были по большей части односторонними: он искренне сопереживал Шан Сижую, ведь его глубоко тронули его чувства к Цзян Мэнпин; но, как бы сильны они ни были, это не было любовью. А если это даже и была любовь, то она всё равно гроша ломаного не стоила. Люди, ослеплённые любовью, нередко ищут смерти. Любовь Шан Сижую не имела ничего общего с вожделением, он страстно стремился завладеть лишь сердцем Цзян Мэнпин, это чувство было возвышенным, чистым и светлым. Что же до Чэн Фэнтая, то он был отнюдь не чужд амурным похождениям, однако успел ими пресытиться и потому преклонялся перед этой одухотворённой любовью. Теперь он смотрел на Шан Сижую совершенно другими глазами.

Когда на вечере игры в маджонг один из игроков неосмотрительно начал рассуждать о том, прав или неправ Шан Сижуй, Чэн Фэнтай тут же перебил его со снисходительной улыбкой:

— Шан Сижуй ведь сущее дитя! При его-то прямолинейности и горячей голове как он может знать меру! Так что для него затеять скандал ничего не стоит. — Помолчав, он добавил: — Мне думается, что Шан Сижуй зрит в самую суть: если бы его шицзе прежде не давала ему обещаний, то всё не дошло бы до подобного. Всё-таки ей следовало проявить больше терпения. — Говоря так, он косвенно винил Чан Чжисиня и его жену за то, что они должным образом не выполнили обязательства перед её шиди.

Об этом тут же поползли разговоры, и, стоило Чэн Фэнтаю появиться вместе с Шан Сижуюм, всюду их сопровождали шёпотки и смех. Все знали, что у них прекрасные отношения, а потому за спиной Чэн Фэнтая радостно перемывали ему косточки. Если же кто-то в присутствии второго господина осмеливался говорить о Шан Сижую неподобающие вещи, то с его стороны незамедлительно следовал язвительный ответ, загонявший собеседника в тупик. Проще говоря, его ревностная забота о Шан Сижую была очевидна для всех.

В этот раз за столом для маджонга разговор зашёл о фондовой бирже. Чэн Фэнтай всегда покупал акции наверняка. Он знал толк в том, как получить наибольшую выгоду путём наименьших затрат, а потому не преминул высказать некоторые соображения о ситуации на бирже.

— У меня на руках есть некоторые сбережения, — с улыбкой сказал Шан Сижуй. — Раз уж второй господин такой знаток, то почему бы ему не сделать вложение за меня?

— О? И какой же у тебя капитал? — заинтересованно спросил Чэн Фэнтай.

— Восемь тысяч.

— Хорошо, без проблем. Завтра пришлю кого-нибудь к тебе за деньгами. — пообещал второй господин.

Хоть Шан Сижуй и желал, чтобы его накопления работали, он также не хотел за них тревожиться, а потому тотчас пожалел о своих словах:

— Ох, завтра это слишком скоро! Мне нужно ещё немного подумать.

Закурив, Чэн Фэнтай нетерпеливо взмахнул рукой:

— Да что тут думать — надо деньги делать! Проигрыш — за мой счёт, а выигрыш — тебе. К концу этого года я непременно помогу превратить твои сбережения в десять тысяч, пусть все присутствующие это засвидетельствуют.

Со всех сторон раздался ропот:

— Как может второй господин быть таким благородным и низким одновременно? Мы ведь столько раз умоляли вас сделать за нас вложения, а вы не пожелали брать на себя лишние хлопоты! А теперь вы с Шан-лаобанем готовы не только вместе зарабатывать, но ещё и возмещать ему убытки!

— Это всё потому, что у меня душа за него болит, — улыбнулся Чэн Фэнтай, не выпуская сигарету изо рта.

Услышав это, Шан Сижуй бросил на него исполненный счастья взгляд и залился смехом, мотая головой. При этом он стал ещё больше походить на ребёнка, что выглядело в высшей степени мило. Чэн Фэнтаю нестерпимо захотелось погладить его по голове, взять на колени и приласкать.

Второй господин Чэн с самого начала произвёл на Шан Сижую хорошее впечатление, а после ночи в парке Сяншань к возросшей симпатии добавилась ещё и немалая доля доверия. При встрече с Чэн Фэнтаем он не мог удержаться от того, чтобы то и дело обращаться к нему, и при этом капризничал, словно дитя. Всякий раз, когда второй господин говорил, Шан Сижую непременно нужно было вставить пару слов от себя, и даже когда Чэн Фэнтай над ним подтрунивал, он совершенно не боялся его колкостей. Когда эти двое перешучивались друг с другом, их речь так и искрилась остротами — другие и не подозревали, что Шан-лаобань может открыться с подобной стороны. Похоже, Шан Сижуй перенёс на Чэн Фэнтая часть зависимости, которую некогда питал к Цзян Мэнпин. Он денно и ночью тосковал по исходящей от старших беспредельной любви, и Чэн Фэнтай не обманывал его ожиданий. Всякий раз, когда Шан Сижуй, столкнувшись с очередным затруднением, обращался к нему за помощью, он с неизменной улыбкой отвечал: «Другим бы я сразу сказал, что это невозможно, но если об этом просит Шан-лаобань, то какие могут быть возражения!» Придерживая Шан Сижую за спину, он просил оказать ему честь отобедать с ним, а если среди перевозимых его компанией товаров Чэн Фэнтаю попадалась какая-нибудь милая безделушка, он непременно откладывал парочку — для Шан Сижую и для Чачи-эр. А что до его трёх родных сыновей, то о них он даже и не думал.

Как-то раз он оставил для Шан Сижую музыкальную шкатулку необычайно тонкой работы. Восьмиугольную чёрную лаковую коробочку украшала инкрустация слоновой костью в виде розы, а если открыть крышку, то под ней на зеркальной поверхности кружилась в танце маленькая балерина.

— Что за любопытная вещица! — воскликнул Фань Лянь, вертя её в руках. — Старший зять, отдай её мне!

— Осталась только одна, и это для Шан-лаобаня, — ответил Чэн Фэнтай.

— А почему это для него есть, а для меня — нет?

— Это игрушка для детей и женщин, тебе-то она зачем? — парировал второй господин.

— А Шан Сижуй что же, по-твоему, женщина? — не сдавался Фань Лянь.

— Он не женщина, а ребёнок. А ты у нас кто?

— Мне на подарок.

— Мне тоже на подарок.

— Но ведь я — родной брат твоей жены!

— Да хоть отец родной! — Чэн Фэнтай схватил прислонённую к стене трость и, смеясь, сделал

вид, что хочет ударить Фань Ляня по ноге. — А ну верни на место!

Фань Лянь обиженно поставил шкатулку и, словно что-то задумав, прищурился на зятя. Решив, что он сейчас продолжит настаивать на своём, Чэн Фэнтай рявкнул:

— На что это ты уставился? Если нравится — так походи да купи!

Фань Лянь в пару шагов приблизился к нему и присел рядом.

— Старший зять.

— Что? — покосился на него Чэн Фэнтай.

— Ты что же это, на Шан Сижую...

Чэн Фэнтай догадался, что он собирается сказать, едва взглянув на бесстыдное выражение его лица.

— ...и правда глаз положил?

— Ах ты грязная душонка [13], пошёл прочь! — Чэн Фэнтай со смехом схватил трость и по-настоящему ему врезал. Фань Лянь немедленно ретировался.

[13] Грязная душонка — в оригинале чэньюй 脏心烂肺 (zāngxīnlànfèi) — в пер. с кит. «грязное сердце и гнилые лёгкие», образно о зловредном, бессовестном человеке.

После этого Фань Лянь не преминул поделиться своими сомнениями с Чан Чжисинем. У того с самого начала сложилось определённое мнение о Шан Сижуюе — он презирал моральные качества актёра. Выслушав двоюродного брата, он криво усмехнулся:

— Разве ты не замечал прежде, что в Шан Сижуюе, этом мальчишке, есть что-то необычайно завлекающее? Сперва губернатор Чжан, потом — главнокомандующий Цао, а теперь, возможно, ещё и Чэн Фэнтай.

Фань Лянь хранил молчание. Собственно, когда мужчина сближается с актёром, играющим в амплуа дань, это всегда вызывает подозрения. Тем более, когда дело касается сентиментального и романтического Чэн Фэнтая — стоило ему несколько раз побеседовать с не менее сентиментальным и романтическим актёром, как между ними неизбежно должны были

возникнуть некие смутные чувства — это было бы вполне естественно. Однако же Чэн Фэнтай никогда не скрывал от шурина свои любовные похождения, и, поскольку ему до сих пор было не за что ухватиться, Фань Лянь сделал вывод, что эти почки ещё не дали побегов.

На самом деле, в это время Чэн Фэнтай испытывал к Шан Сижую искреннее участие без малейших примесей. Но в ближайшие полгода этому участию суждено было вновь перемениться — видимо, невозможно избежать того, чему предначертано случиться.

<http://bllate.org/book/17750/1660367>